

Против левого и правого тоталитаризма – эмигрантский журнал *Новый Град* о европейском кризисе 1930-х годов

а. Общественно-политическая программа группы Новый град

В конце 1931 года, когда мировой экономический кризис уже третий год потрясал основы западного общества, в Париже появился первый номер русского эмигрантского журнала *Новый Град*. Уже в этом названии отражается программная квинтэссенция издания.

Русские эмигранты – без родины и так же, как правило, без средств к существованию – представляли, пожалуй, самое слабое звено в социальной системе западного общества. Экономические и социально-политические волнения в странах, в которых они пребывали, затронули их особенно сурово. В мире, полном неопределенностей, они жаждали в особо сильной мере твердого фундамента под ногами, который мог бы стать им опорой не только в материальной, но и духовной нужде. Такую духовную опору «новоградцы» пытались предоставить своим читателям.¹

Редакторы журнала принадлежали к тем эмигрантским кругам, которые отказывались от политического радикализма и утопизма любого рода, – как левого, так и правого толка – и которые продолжали идеи русского религиозно-философского ренессанса начала 20 века, который олицетворял сборник *Vexi*. Некоторые авторы *Vex* также были создателями *Нового Града*, так, к примеру, Николай Бердяев и Сергей Булгаков. Однако особое влияние на программу журнала оказал один из его основателей Георгий Федотов.

Федотов, который изучал историю в Йене и Санкт-Петербурге и закончил университет за несколько лет до начала Первой Мировой Войны, покинул Советский Союз только в 1925 году.² Таким образом, он со значительным опозданием начал принимать участие в эмигрантском дискурсе, который уже велся годами, однако, он сразу же зарекомендовал себя как один из важнейших публицистов эмиграции. Самые влиятельные журналы русской диаспоры – *Современные Записки* и *Путь* – регулярно публиковали его статьи.

Итак, почему Федотов и его единомышленники, в первую очередь Федор Степун и И. Бунаков-Фондаминский, считали необходимым создание нового жур-

¹ См. об этом также: Raeff M. „Novyj Grad“ and Germany: A Chapter in the intellectual History of the Russian Emigration of the 1930s // Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert / Ed. I. Auerbach, A. Hillgruber, G. Schramm. Freiburg, 1985. P. 255-265; Мень А. Возвращение к истокам. <http://www.vehi.net/men/fedotov2html>; Георгий Петрович Федотов (1886 – 1951) / Федотов Г. Лицо России. Сборник статей (1918 – 1931). Париж, 1967. С. I-XXXIV; Степун Ф. Г.П. Федотов / его же. Сочинения. М., 2000. С. 747-761.

² Мень. Возвращение. С. 4; Георгий Петрович Федотов. С. XX.

ла? Американский историк Марк Раэфф объясняет это следующим образом: Редакторы *Современных Записок*, в отличие от «новоградцев, не стремились ни к какому основополагающему обновлению западной социально-политической и экономической системы [несмотря на глубокий кризис, в котором она находилась – Л. Л.]. Кроме того, *Современные записки* были в первую очередь литературным журналом. Напротив, журнал *Путь* занимался в первую очередь богословскими вопросами. Он скорее дистанцировался от политической активности "новоградцев" [хотя многие авторы *Пути* также публиковались в *Новом Граде* – Л. Л.]».³

Уже в своем первом, вышедшем в 1931 году номере журнал *Новый Град* однозначно сформулировал свою политическую и идеологическую позицию. Защита свободы – по мнению редакторов, важнейшего наследия 19 века – была для них центральной задачей времени. Поэтому *новоградцы* провозгласили непримиримую борьбу коммунистическим и праворадикальным ненавистникам свободы. Однако они также резко критиковали европейский либерализм. Они упрекали либеральные группировки в недостаточном интересе к социальным вопросам. Труд, а не капитал должен был стать важнейшей основой «нового общественного строя», к которому стремился *Новый Град*. *Новоградцы* обвиняли либеральное государство также в духовном эклектизме и релятивизме. Не в последнюю очередь по этой причине у него не было достаточно энергии оказывать сопротивление тоталитарным фанатикам: «парламентская демократия западно-европейского образца представляет собой политическую систему не только равнодушную к вопросам мирозерцания, но и защищающую это равнодушие как свое *мирозерцательное credo*», – пишет один из основателей «Нового Града» Федор Степун: «Свое безразличие к вопросам истины (истины, а не отдельных правд и правильностей) современная политическая демократия ощущает как защиту *идеи свободы*. Эта терминология не точна», – продолжает Степун: «*Идея свободы* (идея в платоновском метафизическом смысле слова) в отрыве от истины не познаваема. Свобода, в смысле идеи, то есть в смысле высшей духовной реальности, есть *путь истины в мир и путь мира к истине*».⁴

В своих вышедших после войны заметках к кредо «Нового Града» Степун добавляет: «Правда всегда побеждает, надо только видеть, что она побеждает на двух, весьма различных путях. В случае ее признания, ее победа превращается в живое и творческое устройство жизни, в случае ее отрицания – ее победа оказывается разрушением жизни. К этой второй форме победы мы, люди XX века, подошли совсем близко».⁵

Общественный строй *Нового Града* должен был строиться не на эклектически-релятивистских, а на христианских основах. Однако на христианстве, которое значительно чувствительнее реагирует на социальный вопрос, чем это дела-

³ Raeff. *Novyj Grad*. P. 256.

⁴ Степун. Сочинения. С. 356.

⁵ Старые – молодым. Мюнхен, 1960. С. 98.

ют традиционные церкви.⁶ Как уже было сказано, *новоградцы* хоть и продолжали в некотором роде идеи сборника *Вехи*, однако одновременно прокладывали и совершенно новые пути. Их программа олицетворяла как разрыв, так и преемственность.

б. Группа *Новый Град* о кризисе западной демократии

Тот факт, что «первая» русская демократия, возникшая после свержения династии Романовых, не смогла справиться с большевистским вызовом, связывали многие западные наблюдатели с незрелостью русского общества к демократии, с его стремлением к новому патриархальному строю, который должен было заменить место царскую монархию.

Авторы «Нового Града» были в свою очередь удивлены неспособностью западноевропейских демократий, дать отпор своим тоталитарным противникам – это несмотря на столетия правовой традиции, которая была укоренена в этой части Европы в отличие от России. *Новоградцы* подробно занимались кризисом Веймарской республики начала 1930-ых годов. Что их в этой связи потрясло, было не «стремление к власти» радикальных противников республики, а беспомощность демократов – не в последнюю очередь социал-демократов – которые были фундаментом немецкой системы, воздвигнутой в ноябре 1918 года: «Она [социал-демократия] пала так же бесславно, как монархия Николая II», – писал Федор Степун в 1933 году в своей статье «Германия проснулась»: «Прекрасно организованная и дисциплинированная, располагавшая массами очень высокого культурного уровня, опытная в делах государственного управления и гордая своими спортивно-боевыми организациями, немецкая социал-демократия сдалась на милость победителя, не только не успев поднять вооруженной руки, но не успев даже громко крикнуть о своей гибели».⁷

Это поражение СДПГ Степун объясняет тем, что ей «не хватало воли к борьбе и веры в свою собственную победу». Не иначе обстояли дела и с другими демократическими группировками Германии, не в последнюю очередь с католическим центром – добавляет Степун. Одновременно он предостерегает от идеализации национал-социалистического «обновления», к которому склонялись некоторые русские эмигрантские группировки, говорившие о начале новой «органичной» эпохи по примеру европейского средневековья: «[Победа] национал-социализма является [...] не шагом к новому средневековью, а прыжком в некое новое варварство».⁸

⁶ Федотов Г. Новый Град // Новый Град. 1931. № 1; Федотов Г. Россия, Европа и мы. Сборник статей. Т. 2. Париж, 1973. С. 135-141.

⁷ Степун Ф. Германия проснулась // Новый Град. 1933. № 7; Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 481-495. Указ. соч. С. 482.

⁸ Там же. С. 486.

Федотов считал, в свою очередь, крайне тревожным тот факт, что падение Германии в тоталитарную пропасть не разбудило остальные европейские демократии. Свою статью, которая вышла в том же седьмом номере *Нового Града*, в котором также была опубликована статья Степуна «Германия проснулась», Федотов назвал «Демократия спит»: «Вот уже третье предостережение» – продолжает Федотов: «Первой провалилась Россия. За ней Италия. Теперь Германия. Провалилась уже половина Европы». Однако наводнение все больше приближается и также угрожает до настоящего времени еще уцелевшему крайнему западу континента унести в пропасть. И там Федотов диагностировал слабование, кризис идентичности и пассивность: «Нигде не видим ни новых идей, ни сильных партий, ни больших вождей. Нигде нет ни плана конструктивной реформы. Все недовольство, накапливающееся в массах, канализируют партии революции, и их энергия (некогда один из главных моторов социального движения) пропадает для гражданского общества».⁹

Однако Федотов не был детерминистом и не верил, что закат европейской демократии неизбежен: «Мы верим в свободу человеческого самоопределения. Любой момент падения может быть сделан исходной точкой возрождающего подъема».¹⁰

Федотов радикально отмежевывался от тех авторов, которые считали, что у европейской культуры нет шансов оказать сопротивление напору «новых варваров», и поэтому она обречена на смерть. Это было тенором статьи поэта Юрия Иваска «Апология пессимизма», которая была опубликована в 1939 году. По словам Иваска, многовековая гуманистическая и христианская Европа находится в своей последней стадии развития, ее гибель неизбежна. Задача времени состоит исключительно в замедлении этой гибели, чтобы «написать» «некролог» в честь ушедшего величия европейской культуры. Александрийская библиотека, византийский церковный ритуал или китайский шрифт являются надгробным памятником уже погибших культур, европейской культуре не хватает, однако, этого последнего аккорда.¹¹

Отчаяние Иваска вызвало резкое возражение со стороны Федотова. Вера в неизбежность судьбы – *amor fati* – чужда христианству. Гибель христианских культур не предначертана судьбой, а является следствием греха, а против греха можно и нужно бороться. Те, кому недостает большой идеи или веры, во имя чего они могли бы побороть царящий хаос, должны отправиться на поиски этого. Вера – это чудо дара и свободы. И как раз как свободные люди мы обязаны искать такую веру, которая нам будет помогать найти выход из кризиса.¹²

⁹ Федотов Г. Демократия спит // Новый Град. 1933. № 7; Федотов Г. Тяжба о России (статьи 1933 – 1936). Париж, 1982. С. 103-115. Указ. соч. С. 103, 112.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Иваск Ю. Апология пессимизма // Новый Град. 1939. № 14. С. 89-101, указ. соч. С. 96.

¹² Федотов Г. К смерти или к славе? // Новый Град. 1939. № 14. С. 101-111, указ. соч. С. 107-111.

Этот призыв Федотова к борьбе против пассивности был скорее исключением в лагере как русских, так и западных демократов того времени.

в. Реакция *Нового Града* на Сталинскую революцию сверху

Время победоносного шествия правого экстремизма на Западе, в СССР было временем побед сталинизма. Обе катастрофы потрясли *новоградцев* одинаково. Они быстро поняли, что Сталинская революция сверху, начавшаяся в 1929/30 годах, является более глубоким переломом в истории России, нежели большевистская революция 1917 года. В 1930 году, незадолго до основания *Нового Града*, Федотов отреагировал в журнале *Современные записки* на одну из важнейших составляющих этой революции – на коллективизацию сельского хозяйства: В настоящее время в России проходит не продолжение октябрьской революции, а новая революция, которая хочет уничтожить важнейший результат «октября» – земельную реформу: «Сейчас решается судьба России – быть может, на столетия. Если народ не отстоит себя в этой последней борьбе, значит, он перестанет быть субъектом истории.¹³

Коллективизация сельского хозяйства – неслыханный процесс экспроприации собственности у более чем 100 миллионов людей – являлась первым испытанием для нового, «более жесткого» поколения большевиков, которые сменили поколение революционеров-романтиков. Большевистский тип меняется, – писал Федотов в 1932 году. Теперь для руководства партии стало намного важнее безусловное выполнение «генеральной линии», чем добровольное признание большевистских идей.¹⁴

О ментальном различии между старым и новым поколением большевиков писал также Николай Бердяев, который в 1931 году в *Новом Граде* рецензировал автобиографию Льва Троцкого, вышедшую в эмиграции. Троцкий – типичный революционер высокого стиля, а не типичный коммунист, – писал Бердяев. Троцкий не понял самого важного для типичных коммунистов, а именно мистики коллектива. Троцкий придает еще очень большое значение героическому индивидууму, он – революционер старой школы, которая берет начало еще в 19 веке. По этой причине этот организатор государственного переворота и организатор Красной Армии не вызывает такого ужаса, как настоящие коммунисты, которые искоренили все индивидуальное из своего сознания и полностью отдались коллективу.¹⁵

¹³ Федотов Г. Проблемы будущей России // *Современные записки*. 1930. № 43. С. 406-437.

¹⁴ Федотов Г. Правда побежденных // *Современные записки*. 1932. № 51. С. 360-385, указ. соч. С. 381.

¹⁵ Бердяев Н. Л. Троцкий – Моя жизнь // *Новый Град*. 1931. № 1.

Федотов критиковал в свою очередь иллюзии некоторых эмигрантских группировок, которые в 20-ые годы – во время НЭПа - придерживались мнения, что возникшая в период НЭПа «новая буржуазия» в союзе с русским крестьянством будет в состоянии притормозить революционный напор большевиков. Сталин лишил эту надежду любой основы, ликвидируя как буржуазное, так и крестьянское сословия. Надежды, которые некоторые русские эмигранты возлагали на уже побежденные буржуазные и крестьянские слои, а также на крайне пассивный рабочий класс, – напрасны. Федотов, однако, предостерегает эмигрантских политиков также от попыток делать ставку на другую советскую формацию, а именно на молодых коммунистических функционеров – важнейших исполнителей Сталинской революции. Перенаправление коммунистического фанатизма в фашистское или сектантско-религиозное русло весьма возможно, говорит Федотов. Однако это, никоим образом, не обновит Россию. Приверженцы абстрактных доктрин, все равно правого ли или левого толка, склоняются одинаковым образом к беспощадному разрушению образовавшихся структур. Не новые идеологии, а отказ от примата идеологии может возродить Россию.¹⁶

Эту статью Федотов писал в 1932 году, когда коллективизация сельского хозяйства еще была в полном разгаре, а большевистская партия мнила себя своего рода демиургом, который пытался молниеносно приспособить многовековые экономические структуры страны к большевистской доктрине.

Примерно пять лет спустя многие организаторы этой жестокой и в истории России, пожалуй, беспрецедентной революции сверху сами стали жертвами сталинской кампании на уничтожение, направленной против них. Этот процесс Федотов комментировал следующим образом в 12-ом номере *Нового Града* в 1937 году: «Совершается это под флагом борьбы с троцкизмом, но истребляется то, что всегда составляло самую суть русского марксизма в его ленинской транскрипции. От Маркса и Ленина остается лишь имя. Для послушных сталинских перьев поставлена нелегкая – точнее, неразрешимая – задача: оправдать новую национал-социалистическую идеологию от имени убиваемого марксизма».¹⁷ Главная цель, которую отныне преследует гигантская сталинская машина террора, – это не ликвидация остатков буржуазных классов, а ликвидация большевизма.

Что побудило Сталина к обезглавливанию советской правящей элиты, которая являлась главной опорой системы? Несмотря на частичный доступ к русским архивам после распада СССР, этот вопрос остается до настоящего времени для историков загадкой. Как Федотов ответил на этот вопрос? По словам Федотова, Сталин пытался национализировать коммунизм. Он хотел править не от имени партии, а от имени русской нации. «Оправдывая подвиг св.Владимира, Дмитрия Донского, Петра Великого, Сталин чувствует себя продолжателем их историче-

¹⁶ Федотов Г. Падение советской власти. Над книгой С. Дмитриевского // Новый Град. 1932. № 5; Федотов. Россия, Европа и мы. С. 307-319, указ. соч. С. 318.

¹⁷ От редакции // Новый Град. 1937. № 12. С. 15.

ского дела. Кажется, что он предпочел бы быть русским царем, чем вождем мирового пролетариата».¹⁸

Федотову не хватало временной дистанции, чтобы увидеть, что Сталин хотел объединить оба главных направления русской истории: как царскую автократию, так и революционный утопизм. Он хотел овладеть историей революции, подобно, как и историей России, и представлял свое правление как вершину обеих линий развития.

Федотов многократно комментировал также московские показательные процессы против ближайших соратников Ленина с их абсурдными обвинениями и не менее абсурдными признаниями обвиняемых. После первого показательного процесса в августе 1936 года Федотов писал следующее об унижительных выступлениях бывших героев большевистской революции во время процесса: «Мне стыдно за них. Я не радуюсь их унижению. Я унижен вместе с ними. Ибо их позор – тоже, в конце концов, позор России. Ведь эти люди когда-то победили Россию. Они оказались сильнее всех ее вождей. Они кичились своей несокрушимой "большевистской" волей. И эта сила и эта воля оказались мнимыми. Когда воздух революции вышел из этих пустых резиновых шаров, они свернулись в жалкие тряпочки».¹⁹

Главным виновником того, что обвиняемые вели себя во время процесса столь недостойно, Федотов считал Ленина: «За Сталиным и Зиновьевым, за всем разнообразием личных характеристик большевистских вождей, маячит зловещая фигура Ленина, который воспитал это поколение, который своим принципиальным аморализмом, своим отрицанием личной чести, правдивости и достоинства убил в зародыше возможность большевистского благородства. Растил палачей, но не героев. И по образу этих растленных, на все готовых слуг творил новую Россию – рабыню Сталина».²⁰

г. Возрождение идей группы *Нового Града* в Советском Союзе и в постсоветской России

Во время сумерек советской империи идеи «новоградцев» попадали многими окольными путями в СССР. В основном это касалось работ Николая Бердяева и Георгия Федотова. Еще в 60-ые годы они начали оказывать влияние на мышление некоторых советских диссидентов и тем самым вносили вклад в изменение духовного климата в стране. Правда, их стремление к духовной свободе, их неконформизм и отказ от коллективистских идеологий любого рода сначала оказы-

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ Федотов Георгий. Шестнадцать // его же. Защита России. Статьи 1936 – 1940 из «Новой России». Париж, 1988. С. 53.

²⁰ Там же.

вали влияние лишь на небольшие оппозиционные круги. Однако в период горбачевской перестройки эти идеи начали охватывать также более широкие интеллектуальные слои. Подобное можно сказать и о европейской идее, сторонниками которой безоговорочно признавало себя большинство новгородцев. Иначе чем некоторые антизападно настроенные русские эмигрантские группировки, которые ставили под сомнение принадлежность России к Европе, редакторы *Нового Града* были глубоко убеждены в европейском характере России. Они сами олицетворяли тип «русских европейцев» – синтез между западной научностью и русско-православной духовностью (кстати, также как и авторы сборника *Vexi*). Более того: уже в 30-ые годы, то есть в период, когда национальные эгоизмы превращали Европу в еще большей мере чем до 1914 года в пороховую бочку, *новгородцы* были сторонниками идеи европейской интеграции, которая в Европе того времени играла абсолютно незначительную роль. Так, Федотов в 1931 году – во время разгара мирового экономического кризиса – высказал следующие мысли: есть только три варианта решения настоящего кризиса: «разрушение цивилизации, мировая империя победителя и вращение государств-народов в мировое сверхнациональное государство. Разумеется, только в эту третью сторону могут быть направлены сознательные усилия моральной и религиозной воли. Организация мирового хозяйства, мирового права, мировой полиции безопасности отнимает у наций почти все государственные атрибуты. Нация сохраняется, как организация духовно-культурного общения, как малая родина. [...] Из лона бессознательного, оплодотворенного Логосом, нация продолжает творить все самое глубокое и прекрасное, что дано человеку. Лишь страшное право меча, *jus gladii*, отнимается у нее и возвращается Кесарю».²¹ Наднациональное государство, за которое выступал Федотов, должно было лишать отдельные национальные государства многих атрибутов их политического суверенитета, их духовное и национальное своеобразие должно было, однако, оставаться неприкосновенным.

Эта модель во многих отношениях похожа как две капли воды на модель Европейского Союза. Третье решение глобального и/или европейского кризиса, которое фаворизировал Федотов, однако только тогда осуществилось, когда два первых предполагаемых Федотовым сценария были испробованы: насильственное объединение Европы Третьим Рейхом, который почти что овладел целым европейским континентом от Атлантики до Москвы. Это, в свою очередь, привело к предсказанному Федотовым неслыханному разрушению европейской цивилизации. Лишь после этого трагического опыта сторонники европейской интеграции начали побеждать в европейском дискурсе.

Европейские идеи, пропагируемые *новгородцами* уже в 30-ые годы, начали приобретать широкую популярность в России лишь во время горбачевской перестройки, когда московские реформаторы начали мечтать о возвращении России в Европу.

²¹ Федотов Г. Сумерки отечества // Новый Град. 1931. № 1; Федотов. Россия, Европа и мы. С. 153.

Однако некоторые из постулатов *новоградцев* обновленная Россия конца 80-ых – начала 90-ых годов не смогла реализовать. Это касалось не в последнюю очередь пропагируемой редакторами Нового Града идеи «обороноспособной демократии». Федор Степун размышлял в 1934 году о том, какая демократия нужна постбольшевистской России: Это должна быть демократия, которая не допускает «демократической борьбы против демократии. [...] демократия и может, и должна быть лишь *демократией для демократов*. Против ханжества своих врагов ей приличествуют все формы действенной самообороны. Нельзя забывать, что демократия обязана защищать не только свободу мнения, но и *власть свободы*. Если эта власть не защитима словом, то ее надо защищать мечом».²²

Эти строки Степун писал под впечатлением гибели Веймарской республики, которая оказалась не в состоянии, укоренить принципы обороноспособной демократии. Подобное можно также сказать и о постсоветской России. Не в последнюю очередь, поэтому возникшая в 1991 году «вторая» русская демократия была лишь девять лет спустя заменена «управляемой демократией». Причины эрозии демократической и европейской мысли в постсоветской России, которые можно считать своего рода завещанием *Нового Града*, не могут быть освещены в данной статье. Эта проблематика выходит за ее временные рамки.

(Авторизованный перевод с немецкого: Наталия Афанасьева)

²² Степун Ф. Идея России и формы ее раскрытия // Новый Град. 1934. № 8; Степун. Сочинения. С. 496-503, указ. соч. С. 501.